

А. П. ОКЛАДНИКОВ

«Земля бородатых»

На маленьком острове Фаддея вблизи мыса Челюскина, в заливе Симса на Таймыре, в 1940 г. гидрологи неожиданно нашли следы трагических событий, происходивших в этих диких, пустынных и теперь местах, на «краю света», более трехсот лет тому назад, около 1619—1620 гг. Гидрологи обнаружили остатки бедственной зимовки и последнего лагеря безвестных русских мореплавателей. Среди оставшегося от них имущества на голых камнях у самого берега моря лежал металлический диск, бронзовое зеркало с изображением кентавра.

Кентавр был отлит с большим искусством и подлинным художественным чувством. На голове его царский венец, в одной руке щит, в другой скипетр, оканчивающийся фигурным навершием. Лицо кентавра молодое, безбородое, отчетливо моделированное в полупрофиль (в три четверти). Ясно виден длинный широкий нос, круглые, глубоко посаженные глаза и маленький рот. Подбородок округлый, нежно очерченный. Из-под венца сзади выбиваются вьющиеся волосы, образующие тяжелую сплошную массу кудрей. По бокам кентавра простерты два широких крыла.

Кентавр показан на фоне ночного неба, усыпанного сияющими звездами, изображенными в виде розеток. Это несомненно герой древнерусской повести о Соломоне и Китоврасе, могучее демоническое существо тройственной природы — человек, лошадь и птица, а вместе с тем властитель сказочного царства и мудрец — соперник царя Соломона.

Впоследствии такие бронзовые зеркала с изображением Китовраса распространились по всей Сибири, почти у всех народов: на Оби и Енисее, на Ангаре и Лене, даже на Колыме и Чукотском полуострове. Их необыкновенная популярность у народов Сибири конечно зависела прежде всего от того, что дисковидная форма металлического зеркала ассоциировалась с наиболее распространенным и всеобщим культовым символом в виде диска, изображающего солнце. Юкагиры так и называли эти зеркала «грудным солнцем». Бурятские шаманы почитали их наравне со своими священными зеркалами-толи, которые, по их верованию, чудесно спускались с неба как дар светлых небесных божеств.

Изображения кентавра на зеркалах точно так же соответствовали местным верованиям. Их повсюду осмысливали в соответствии с местной мифологией. У бурят это были изображения небожителей — тэнгеринов, у племен Приуралья, вероятно, их собственного конного божества солнца Мир-сусне-хума.¹

¹ А. П. Окладников, 1) Бронзовое зеркало — В сб: Исторический памятник арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.—Л, 1951, стр 20, 2) Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея — Советская археология, XII, 1950. стр. 139—172

Замечательная находка на о. Фаддея и ее многочисленные двойники-варианты вновь напоминают о том, что продвижение русских землепроходцев за Каменный пояс, в Сибирь, сначала на Обь и Енисей, а затем и дальше на северо-восток Азии, вплоть до моря Лаптевых и Берингова пролива, сопровождалось сближением русских с коренным населением Севера.

Вполне естественно, что вступая в контакт с аборигенами Сибири, сближаясь с ними, русские неизбежно вносили в их среду многое из своего духовного мира, из своего идейного запаса и мировоззрения.

Русские несли с собой в тундру и лесотундру Крайнего Севера не только свои былины и песни, но и литературные произведения. Так, например, известно, что многие промышленные люди, не говоря уже о священниках или воеводах вроде известного С. Кокорева, везли с собой печатные книги и рукописи, а «иногда целые библиотеки».²

Многое из этого культурного богатства теми или иными путями, в том или ином виде попадало к племенам тайги и тундры, отражаясь при этом в очень своеобразных и неожиданных формах. Примером могут служить былины о русских богатырях или образ кентавра, который, как мы видели, прошел всю Сибирь — от Урала до Тихого океана и с такой же быстротой, с какой двигались землепроходцы, — на протяжении одного столетия.

Но было бы неправильно думать, что контакт был только односторонним, что русские ничего не получали взамен. Напротив, хорошо известно, что и русские с необыкновенной легкостью воспринимали многое из аборигенной культуры, в том числе из устного творчества северных племен, черпали сведения из их преданий и даже мифологии.

Ярким примером этому, среди многих других, являются легенды и рассказы о мифических жителях Крайнего Севера, в частности о сказочном народе на островах Ледовитого океана и о «земле бородастых». Сказания эти замечательны тем, что имеют ближайшее и весьма существенное отношение к истории географических открытий на Крайнем Севере Азии, в глубине арктических морей.

Они возбуждали надежды на открытие новых неведомых земель, заселенных людьми, богатых зверями и покрытых лесом полусказочных островов или даже настоящей «Большой Земли», лежащих к северу от берегов Восточной Сибири. Они заставляли предприимчивых смелых людей идти в ледяные просторы Северного океана и давали им силу преодолевать бесчисленные препятствия, ожидавшие их на пути к желанной цели. Эти надежды вызвали в начале XVIII в. целую серию путешествий к северу от устьев рек Колымы и Лены, целью которых были поиски огромного острова к северу от Колымы, «о котором разглашено, якоб (это) земля великая».

В результате этих путешествий были открыты Медвежьи острова, на которых действительно оказались следы населения, но не современного, а древнего — остатки развалившихся полуподземных жилищ.

Но этого было слишком мало по сравнению с тем, чего ждали от открытий на Севере, и поиски новой земли продолжались с удвоенной энергией. Они делаются в XVIII в., по словам В. Ю. Визе, «главной географической проблемой Восточно-Сибирского моря, для разрешения

² С. В. Бахрушин. снаряжение русских промышленных людей в XVII в. — В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века... стр. 90.

которой отправляются специальные экспедиции».³ В 1760 г. по приказу сибирского губернатора Ф. И. Соймонова были направлены две экспедиции — Николая Дауркина на Чукотский полуостров и Степана Андреева на Медвежьих острова.

И обе эти экспедиции доставили наряду с некоторыми фактическими данными любопытные сообщения, несомненно фольклорного происхождения.

Николай Дауркин привез рассказ о легендарной земле Тикиген, обитаемой племенем Храхай, которая при сильных ветрах уходит в море на одну версту, а при тихой погоде возвращается обратно. Степан Андреев во время второй своей поездки увидел, по его словам, за Медвежьими островами еще один остров, но в 20 верстах от него «наехал неизвестных людей свежие следы на восьми санках оленьими, только перед нами проехали; и в то время пришли в немалый страх»,⁴ почему и повернули обратно.

С тех пор неоднократно предпринимались настойчивые, но безрезультатные поиски «Земли Андреева». В литературе же, посвященной истории арктических путешествий, до сих пор не утихают споры о том, почему шестого острова вблизи Медвежьих островов не было обнаружено. Существуют предположения, что Андреев просто солгал, на самом же деле никакого острова не видел, как не видел и следов «неизвестных людей» на восьми оленьих санках. Так говорили и сотник Татаринов, и юкагир Ефим Коновалов, сообщавшие, что «в бытность-де нашу в море ничего более не видели, а что-де подпоручиком Андреевым объявлено, яко бы видели вновь найденной шестой остров, разстоянием не мал, и яко бы ехали к тому острову и наехали неизвестных людей свежие следы на восьми санках оленьими, только лишь де перед нами проехали с острова на землю, то точию де все оное ложно, как-де мы вышеупомянутого шестаго острова так и неизвестных людей в санках, но и пеших никаких не видали, а возвратились-де обратно от непроезду чрез вышеописанную шель».⁵

Академик К. М. Бэр прямо называл поэтою Андреева обманщиком. Другие думают, что С. Андреев видел не землю, а мираж, «приподнятое рефракцией причудливое скопление льдин». Думают также, что «Земля Андреева» могла существовать на самом деле, но была впоследствии размыта и растаяла в океане.⁶ Есть, наконец, и такое мнение, что Андреев видел реальную землю на севере, но не какой-то шестой остров у Медвежьих островов, а остров Новая Сибирь.

Что же касается человеческих и оленьих следов, то, по мнению М. И. Белова, Андреев внес эту запись в свой журнал, «подлаживаясь, по-видимому, к ходившим в те годы слухам о союзниках, приходивших на помощь к чукчам с „Большой Земли“. Этот домысел нужен был ему для того, чтобы подкрепить факт „открытия“ острова, в существовании которого он был глубоко убежден».⁷

Но есть и еще одна возможность, позволяющая глубже понять и объяснить происхождение загадки «Земли Андреева», а вместе с ней и рассказа о таинственных следах, которые навели такой страх на Андреева

³ В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. М.—Л., 1948, стр. 947.

⁴ Там же, стр. 248.

⁵ Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевой Земли. — Известия Русского географического общества, XII, в. 6, 1876, стр. 472.

⁶ В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики, стр. 248.

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. Т. I, М., 1956, стр. 412.

и его спутников, что заставили повернуть назад от маячившей впереди, на расстоянии каких-нибудь 20 верст, желанной земли.⁸

Для этого нужно принять во внимание психологию людей того времени, как самого Андреева, так и сопровождавших его людей. С самого начала ознакомления европейцев с Крайним Севером он рисовался им сказочной, полной тайн, фантастической страной. И чем дальше были эти северные страны, чем недоступнее, тем таинственнее был их облик, тем больше тайного и чудесного скрывалось за льдами арктических морей.

Там живут, думали средневековые люди, люди-гиганты, люди-великаны. Это страна чудовищных существ, одноногих и одноруких, имеющих рты на темени.⁹

Точно так же представляли себе пространства Крайнего Севера и внутри Ледовитого океана коренные племена Севера, от которых эти фантастические представления, вероятно, и переходили нередко к легковерным европейцам. Об этом свидетельствует, например, известная русская повесть о «человецех, незнаемых в восточной стране», насыщенная фольклорными сюжетами, заимствованными от уральских племен.¹⁰

Народы Севера издавна были глубоко убеждены в том, что к северу от береговой линии Ледовитого океана находятся обитаемые людьми обширные острова и даже настоящая зеленая земля с высоким лесом, богатая зверями, в том числе пушными.

Люди, обитающие на этой заморской земле, — бородатые великаны. Охотник и оленевод Н. К. Курилов, член колхоза «Оленевод» в Олёрском (прежде Хангайском) наслеге в низовьях Лены, рассказывал мне в 1943 г., что некий человек, охотившийся зимой на песцов, обнаружил на берегу моря следы человека. Сступив на след, он увидел, что след равняется нескольким харысам (четвертям). Следы шли в море. Решив преследовать этого неведомого человека, охотник встал рано утром и поехал по следу. После двух суток езды он увидел ночью перед собой гору, возвышавшуюся, как остров, сквозь морозный туман. Перед горой следов стало много; снег был притоптан как улица. Навстречу ему вышла женщина. Она была высотой в несколько сажень и, взяв его за руку, повела в дом. В доме находился также и мужчина. Оба говорили с ним по-человечески. Мужчина сказал охотнику: «Я сам виноват, что показал свои следы, иначе бы ты не пришел сюда, иначе я бы тебя убил. Теперь отправляйся назад в свою землю, только никому не рассказывай. А я тебе помогу вернуться. Сейчас же не выходи, пока я не приготовлю нарту. Выйдешь потом сразу». Через некоторое время тот человек зашел снова в дом и сказал: «Все кончено, теперь выходи». Выйдя, увидел, что кругом сплошной туман, ничего не видно. Хотел видеть их дом, но ничего не увидел. Великан посадил его на нарту и завязал ему глаза, сказав: «Когда доедешь до своей земли, собак отпусти». Те места, где он раньше дважды ночевал, теперь прошел без ночевки, в один день. В пути охотник развязал глаза и увидел, что его везут не собаки, а два волка. Его же собаки не могли тех догнать и влочились по земле. Дойдя до дома, отпустил волков-собак, и они сразу исчезли. Его собственная собачья нарта была

⁸ Там же, стр. 312.

⁹ К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. — Записки Историко-Филологического факультета СПб. университета, ч. LXXIX, 1906.

¹⁰ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «о человецех незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. — Древности, т. XIV. М., 1890. Ср. показание со слов чукчей, данное толмачом Н. Дауркиным об удивительных народах на неведомых землях (Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевой Земли, стр. 462).

нагружена доверху. Когда он раскрыл груз, то увидел множество лисиц-песцов. Когда он был в той заморской юрте, хозяин спросил его: «Почему ты бродишь один по берегу моря». Охотник ответил, что этим мы и живем. Пожалев его, великан дал ему так много пушнины. Дом же великана был обыкновенного, человеческого вида. До старости тот охотник никому об этом случае не говорил, а рассказал только при смерти.

В других вариантах этих легенд рассказывается, что охотник, попав на следы гигантского человека, едет за ним в открытое море и попадает в селение таинственных людей — великанов. В некоторых случаях рассказывается, что люди эти не имеют огня и уносят из человеческих костров горящие головешки. Они отличаются от обычных людей, обитателей материка, не только своим гигантским ростом, но и тем, что имеют длинные густые бороды или даже сплошь покрыты шерстью; это — «бородатые» люди.

В описании их жилищ много реальных этнографических черт, много такого, что поразительно напоминает жизнь оседлых морских охотников-зверобоев Арктики.

Дома «бородатых» расположены не по одному, а целыми поселками. Форма домов, в некоторых легендах, круглая, т. е. куполовидная, как у полуподземных жилищ эскимосов и сидячих чукчей. Дома делятся на две части, на сени и внутреннее пространство. Так строились эскимосские зимние жилища, внутрь которых попадали через сени в виде коридора. Внутри дома располагались спальные пологи. Жилище освещалось не печами, а «светящимся камнем». В этом источнике света нетрудно увидеть жировую лампу, которая обогревает и освещает внутренность эскимосских жилищ, а также служит для приготовления пищи. Ездят «бородатые» на собаках, хотя и похожих на огромных волков.¹¹

В легендах о «бородатых» имеются такие детали, которые могут свидетельствовать и о враждебных отношениях между жителями островов, с одной стороны, и континента, с другой.

Демонический народ Севера изображается как враг обычных людей. Встреча с ним грозит гибелью, и вообще они могут принести только зло.

Василий Сивцов, старый оленевод, родом с Оленека, рассказывал мне на привале в Булунской тайге, что в древности, когда на р. Оленек «не было ни одного челнока», настали тревожные голодные годы. В это время одна 17-летняя девушка-шаманка, знаменитая своими предсказаниями, камлая, сказала, что скоро наступит страшное бедствие из-за неулова рыбы и зверя. На Севере есть, говорила она, «волосатый» народ. Среди него есть чародейка, которая вздумала помешать счастью здешнего народа. Она загородила устье р. Оленек Рыбой Смерти. Из моря не идет ни одна рыба. И действительно, говорит легенда, так и случилось: на Оленеке настал голод. Тогда народ стал умолять девушку, чтобы она просила чародейку «волосатых» сжалиться над ними. Шаманка камлала несколько суток, но чародейка не хотела открыть путь рыбе из моря в реку. Тогда шаманка созвала всех своих духов и стала с ними рубить Рыбу Смерти топором и прорубила в ней дыру, через которую и до сих пор идет рыба в Оленек.

Таким образом, в легенде о «бородатых» людях обнаруживаются определенные элементы этнографической действительности, свидетельствующие о древних связях континентальных охотничьих племен с обитателями морских островов.

¹¹ Г. В. Ксенюков. Ураангхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск, 1937, стр. 550—556.

Вместе с тем в рассказах этих, особенно тех, которые записаны от говорящего по-якутски населения долины Оленека и Нижней Лены, имеются безусловно мифологические черты южного происхождения. Сюда относится прежде всего представление о том, что великаны далекого севера сплошь покрыты волосами. Эта черта больше всего напоминает мифических лесных духов-баянаев якутской мифологии. С представлениями о лесных духах — хозяевах зверей и покровителях охотников — теснейшим образом связана и такая характерная деталь, как рассказ о брачной ночи охотника с хозяйкой жилища на заморском острове и о том, как она награждает его за любовь богатыми дарами в виде тюка драгоценной пушнины. Это обязательная деталь древней охотничьей мифологии сибирской тайги, в центре которой стоит образ лесной женщины — владычицы зверей, иногда женщины-зверя, вступающей в половое общение с охотником и дающей ему охотничью удачу — счастье.

За счет отражения южной мифологии следует отнести и такой элемент этих сказаний, как заменяющий реальную жировую лампу «излучающий свет чудесный камень». О таком камне, освещающем местность ночью, рассказывает, например, арабский писатель Абу-Долеф, по словам которого этот камень водится будто бы в стране Хирхизов.

Есть, разумеется, и еще более далекие параллели, возможно, указывающие на источник легенд, откуда они появились у енисейских киргизов, находившихся в общении с странами Средней Азии и Ираном. В старой иранской легенде говорится, например, что сасанидский царь Ануширван сидит в могиле, а на тыльной части его руки перстень с драгоценным камнем, от которого исходит свет, освещающий тьму гробницы.¹²

Представления о «бородатых», поросших шерстью, диких людях Севера известны на юге тоже давно. Еще Шильбергер в начале XV в. (около 1410 г.) слышал, что в Сибири есть гора, за которой находится пустыня, доходящая «до края света». На горе живут дикие лошади и дикие люди, не имеющие постоянных жилищ и сплошь покрытые волосами, за исключением лица и рук. Они питаются листьями и травой и чем придется. Владетель Сибири будто бы даже подарил одному из властителей «Великой Татарии» Едигею двух диких людей, мужчину и женщину, пойманных на этой горе.¹³

Эти черты вплелись в древнюю ткань арктических рассказов несомненно тогда, когда на север проникли тюркоязычные якуты, принесшие с собой отголоски степной мифологии и мифов, существовавших когда-то у хыргызов на Енисее и у их соседей в Прибайкалье курыканов, а также у забайкальских тюрков-уйгуров.¹⁴

Но на этом история легенды о стране «бородатых» не кончалась.

Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли рассказы и представления аборигенов об островах в Ледовитом море, но развили их дальше, придали им новую окраску соответственно своим представлениям и мировоззрению. В легендах о «земле бородатых» отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без властей и податей, а также легенда старообрядцев о своего рода граде Китеже. Так, в Якутске И. Д. Сельскому рассказывали о существовании «свиздавна каких-то жителей, прежде сосланных, потом бежавших и поселившихся на неизвестных островах Ледовитого моря.

¹² А. Ф. Розенберг. Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. — Живая старина, 1912, I.

¹³ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 52—53.

¹⁴ См.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. — В кн.: История ЯАССР, т. I. М.—Л., 1955.

В давние годы какой-то промышленник около Колымского устья осматривал на островах звероловные снасти. Так застигла его пурга, и он заблудился. Долго блуждал он по окрестным пустыням, и наконец собаки привезли его в незнакомое селение, состоящее из нескольких домов, которые все были срублены на угол. Заблудившегося приняла женщина, но она с ним ничего не говорила. Поздно вечером пришли с промысла мужики и стали расспрашивать прибывшего к ним: кто он, откуда, по какому случаю и зачем заехал к ним, не слышал ли он об них чего прежде и, наконец, не подослан ли кем? Промышленника этого они держали под присмотром шесть недель, поместили его в отдельном доме и не дозволяли отлучаться ни на шаг, ни с кем не разговаривать. Заключенный во время пребывания своего там часто слышал звон колокола, и обитатели этого заповедного селения собирались в молельню, из чего он и заключил, что это был раскольнический скит. Наконец жители этого дикого селения согласились отпустить этого промышленника, но взяли с него при этом клятву молчать обо всем им виденном и слышанном. Затем они ему завязали глаза, вывели из селения и проводили очень далеко. При расставании подарили ему большое количество белых песцов, красных лисиц и сиводушек».¹⁵

В свою очередь верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть «неизвестный географии остров. Он в хорошую и ясную погоду с острова Новой Сибири к северо-востоку представляется точкой. На этом острове есть жители. Их называют бородачами, потому что, говорят, народ совершенно оброс волосами. С ними весьма редко и под опасением смерти имеют сношения дикие чукчи, которые передают о сем под секретом чукчам, платящим ясак. Они, тоже под секретом, русским.

«Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четыреста; что какой-то епископ со свитою был занесен на него и выброшен, судно разбилось и спасения не было, будто бы слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилья свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно сего не удостоверяют».

Протоиерей Прокопий Громов допускал, что чукотский рассказ о неведомом городе «бородатых» людей, имеющих христианские церкви с колоколами, может иметь связь со сказанием о гибели миссионера Флавиана со свитою. «Не в стенах ли таинственного города со церквями хранятся церковные сосуды и богослужебные книги, везенные Флавианом? И не пополнил ли сам Флавиан с спутниками неволею население кроющихся брадатых людей?», — писал П. Громов,¹⁶ хотя предполагаемые обитатели таинственного города рисовались в чукотских рассказах скорее как проказливые демонические существа, способные на всякие озорные проделки.

Чукчи, а вслед за ними русские священники, причетники и купцы рассказывали, что «к ним в селение являются по ночам какие-то неуловимые человеческие существа и уносят запасы продовольствия, а случалось, что и днем в лесу захватывали собирающих ягоды беззащитных женщин невидимки и уводили их неведомо куда. Никто не знает, откуда приходят и куда уходят эти загадочные пришельцы; никто близко не встречался с ними. Никто потому не может определить ни их наружного вида, ни одеяния, но все единогласно удивляются быстроте их движения,

¹⁵ И. Сельский. Описание дороги от Якутска до Средне-Колымска. — Записки Сибирского отделения Русского географического общества, 1856, кн. 1, стр. 84—108.

¹⁶ П. Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей. — Труды Киевской духовной академии, т. 1, 1861.

находов и исчезновения. Русские, привезенные мною из Иркутска, священники в северные Дранкинское и Лесное селение, где при мне выстроены церкви, уверяли, что ночью вдруг, ни с того ни с сего, начинается снаружи в церковные углы стук колотушками; все выйдут жители селения посмотреть, и все исчезает. Явления эти случаются только в летнюю пору.¹⁷

То же самое слышал в 90-х годах на Колыме Дионео. Услышав об экспедиции на Северный полюс, один старик сказал ему: «Ну, значит, беспременно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут, намекая на таинственных островитян, о которых согласно говорят легенды русского и инородческого населения побережья Ледовитого океана».¹⁸

Основанием для чукотского предания об острове с «бородатыми» людьми и об имеющихся у них церквях с колоколами, может быть, являются дошедшие до них, а через них и до русских казаков еще в XVII в. смутные рассказы о Японии и айнах, о буддийских и синтоистских храмах с колоколами. Так, известно, что еще в 1710 г. Г. Стадухин взял в полон у Пенжинского устья одну женщину, которая рассказала, что «против-де Пенжинского устья значится остров и земля видеть. И у той-де бабы он, Тарас, с товарищи про тот остров спрашивали, и та-де баба им сказала, что на том острове есть люди бородатые, платье носят долгое, а русских-де людей называют братьями. А они-де, Тарас с товарищи, на том острове не были и пошли назад».¹⁹

Но первоисточником этой легенды все же был, по-видимому, древний миф о стране «бородатых» великанов на островах Ледовитого океана.

Миф о «бородатых» жил, таким образом, на Севере веками. Насколько глубоко были уверены в XIX в. в существовании этих великанов жители Севера, в том числе не только коренные, но и пришлые русские, можно судить не только по сообщениям Громова и Сельского, но и по рассказу участника Чукотской экспедиции 1868—1870 гг. Неймана. По его словам, «предание о бородатых великанах, живущих где-то в море, на севере от берега, или на неисследованных доселе островах, распространено по всему берегу Ледовитого моря от устьев Лены до Колымы. Одни только чукчи в этом случае составляют отрадное исключение, и мне никогда не приходилось слышать от них ничего подобного. Все же остальные прибрежные жители, как русские, так и инородцы, как крещеные, так и язычники, все твердо веруют в существование бородатых людей».

Экспедиции, рассказывает Нейман, было трудно найти людей и собак для поездки на Медвежьих острова, так как «колымские жители о Медвежьих островах имеют самые суеверные понятия, считая их заколдованными, обиталищем злых духов, ехать куда они считают большим трудом. Всевозможные сказки рассказывают они по этому случаю: о без вести пропавших промышленниках, о дикости и злости тамошних медведей, у которых будто бы более зубов, чем у обыкновенных; а самое главное об обитающих там бородатых людях. Этим последним, по их же рассказам, даэно уже никто не видал, но что они там уже перевелись, об этом никто доказать не может».

Нейман встретился на Колыме с двумя местными старожилками, которые уверяли его, что им самим пришлось столкнуться с великанами

¹⁷ Иркутские епархиальные ведомости, 1867, № 51. Цит. по: С. Явловский. Летопись Якутской епархии. Краткий обзор церковно-исторических событий Якутского края от начала христианства до настоящего времени (1620—1905). Центральный государственный архив ЯАССР, ф. 491, оп. 1, № 6, стр. 187—189.

¹⁸ Дионео. На крайнем северо-востоке Сибири. М., 1895, стр. 136.

¹⁹ «Памятник сибирской истории» XVIII в., кн. 2, № 118, стр. 501.

Севера, а один из них будто бы даже убил выстрелом из ружья такого выходца из таинственной страны.²⁰

Нейман справедливо полагал, что рассказ С. Андреева о следах неведомых людей был навеян легендами о «бородатых». Андреев, надо думать, так же искренно верил в их существование, как и все местные жители, поэтому ему вполне могли почудиться на снегу в открытом море следы этих людей. Страх перед «бородатыми», должно быть, и заставил его повернуть назад.

Последний штрих в легенде о «бородатом» народе Арктики внес XX век. И. Н. Окоемов, юкагир по матери, эвен по отцу, активный общественный работник, сообщил мне в 1944 г. новый вариант старого предания:

«Народ рассказывает, что на морских островах живут бородатые люди. Но это сущая фантазия, что доказывается недавними событиями. Лет пятьдесят тому назад один ученый человек, по фамилии Саханников, сделал преступление против русского царя и бежал на север. По пути где-то он украл драгоценный камень и с ним попал в Устьянский район. Оттуда он ездил на Ляховские острова, на Фадеевский остров и на Новую Землю. Через несколько лет вернулся и доложил царю, что около Ляховских островов есть в море незамерзающая вода, а дальше в светлые дни видны силуэты островов с зеленою растительностью. Ранее украденный камень он выдал за найденный на тех островах и сказал при этом, что на посещенных им островах бывают такие камни, а на предполагаемой Зеленой земле должны быть камни еще лучше. Царь за это сообщение простил ему преступление, а лет сорок тому назад послал на те острова экспедицию искать неизвестную землю. Острова те искали люди с именами Толь и Молосович. Острова не были найдены, и тем доказано, что рассказ о существовании этих островов — фантазия.

Говорят, того острова, где погиб Толь, местные люди не достигали. Сам Толь говорил, что едет на тот Зеленый остров, и не вернулся. Из местных наших жителей с ним тоже уехало трое, и все погибли».

В этом рассказе есть и таинственная «Зеленая» земля, и драгоценный камень, но камень этот уже не сказочный, а настоящий самоцвет. А на далекую землю идет уже не охотник — хосун, чтобы вступить в связь с владычицей зверей, но политический ссыльный. Человек этот оказывается не кем иным, как спутником М. М. Геденштрома, известным Я. Санниковым. Вслед же за ним на поиски «Зеленого» острова идут тоже вполне реальные люди, исследователи Арктики Толль и Воллосович.

На этом заканчивается эволюция древней легенды о стране тайн в Ледовитом море.

²⁰ К. К. Нейман. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции. — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, т. II, № 3, 1871.